

Вторник, 23 июля 1991 года

«Вечерняя Москва»

Мир кино

«МЫ СЕГОДНЯ ЖИВЕМ В ЭТОМ АДСКОМ ПЛАМЕНИ»

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ: «Большевики, отступая, потеряв в Конституции шестую статью, образно говоря, подожгли все нефтяные скважины. Мы сегодня живем в этом адском пламени. И пока Президент будет возлагать цветы к памятнику Ленину, мы все будем харкать кровью».

Что творилось в этот день в «Союзинформкино» — уму непостижимо! Журналисты буквально штурмом брали оба просмотровых зала. И не мудрено: на экране новая трагикомедия Э. Рязанова «Небеса обетованные».

«Вся страна сегодня стоит на паперти», — говорит одна из героинь фильма (Л. Ахеджакова), просящая подаяния перед домом на набережной. Вся страна... В картине многое сказано открытым текстом, многое не договорено, осталось за кадром, но читается «между строк».

«Огромная «свалка жизни» в прямом и переносном смысле. Бомжи, «отбросы общества» — люди оказались в этом месте по милости дурдомовских «гуманных» законов нашего тоталитарного государства. Они построили целый город из строительных вагончиков и кабин старых грузовиков. И живут по своим особым законам во главе с президентом, которого выбрали «всенародно». И, как ни странно, здесь, в этом маленьком государстве, действуют настоящие человеческие законы любви и добра. Потому что тут — дно, и дальше опустаться некуда, некуда идти из этого Богом забытого места, и без добра и взаимопонимания, человеческой поддержки никак не проживешь».

В этом городе нет людей ординарных, серых. Каждый из них — личность. Потому и попали сюда. «Мне было важно, чтобы все они отличались друг от друга, — рассказывает Э. Рязанов, — чтобы персонаж О. Басилашвили не был похож на персонаж Л. Броневой, а герой В. Гафта на героиню Л. Ахед-

жаковой. Мне было важно, чтобы их всех полюбили зрители».

Почему герои картины живут на свалке? Как попали сюда? Причины разные. «Президент», например, был назначен на работу в райком, а потом, вникнув, что к чему, «попер против большевиков», подал заявление о выходе из партии. «Они его вначале в места отдаленные заслали, а потом — в психушку». И вот он здесь...

Во имя чего они живут? Во что верят? О чем мечтают? В каждом существует неистребимая «надежда на полет», идея улететь на другую планету. Зрители понимают, что надежда эта — условность. Главное — сама мысль о том, что в «этой стране в таких условиях жить невозможно... Сколько сгноили людей в тюрьмах! Скольких лишили ума в психушках! А вот теперь... перестроились».

«Я никогда не хотел покинуть свою страну, — в сердцах рассказывал нам после просмотра Э. Рязанов, — но когда я сегодня смотрю телевизор, меня охватывает беспредельное отчаяние. Честное сло-

во, было бы мне сейчас лет тридцать — уехал бы! На том же самом паровозе, что и мои герои, к такой-то матери».

Дело в том, что герои картины, доведенные до отчаяния, действительно улетают на... паровозе от преследующих их омонцовцев.

Любопытная находка режиссера — машинист паровоза (А. Пашутин) изъясняется исключительно с помощью советских лозунгов. И потому каждое его высказывание (высказывание человека со свалки, заметьте) достойно целой поэмы.

Еще одна интересная подробность — в эпизоде разгрома этого странного городка нищих принимали участие настоящие омонцовцы. «Дело в том, что мы снимали картину, — говорит режиссер, — за два месяца до прибалтийских событий. И ОМОН было легко заполучить. Это сейчас они заняты важными делами...».

Тогда, на пресс-конференции, мне пришли в голову слова А. Ахматовой, которая говорила, что каждый большой поэт в огромной степени является пророком. Наверно, это относится и к большим режиссерам.

Страшное предвидение последующих событий... В фильме Л. Броневой, взбравшийся на собственную машину, кричит методично наступающим на толпу бездомных людей омонцовцам: «Товарищи солдаты, посмотрите на них — это же ваши братья и сестры! Не роняйте своей воинской чести!». А у солдат за спинами — танки. И этим все сказано.

«Когда я начинал снимать фильм, Никита Михалков говорил мне: «Когда ты лезешь?». Но я о самом начале решил для себя — это фильм не о нищих в обычном понимании этого слова. Потому что когда уровень жизни понизился настолько, что старики стали умирать от голода, такой свалкой стала вся страна. Я снимал контрчернуху. Снимал картину без каких бы то ни было цензурных тормозов. Единственной цензурой была внутренняя, когда я стремился правдиво показать нашу чудовищную жизнь в условиях тоталитарного общества, где люди еще находят в себе силы оставаться людьми».

Елена КУРБАНОВА.

НА СНИМКАХ: кадры из фильма.

Ben. Moskva. - 1991. - 23 июля